

18+

Алексей Петранов

Борьба миров: Бессмертие

Алексей Петранов

Борьба миров: Бессмертие

«Издательские решения»

Петранов А.

Борьба миров: Бессмертие / А. Петранов — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Четыре тысячи лет люди ищут бессмертие. Сегодня техно-миллиардеры вкладывают миллиарды в нейроинтерфейсы, редактирование генома и криокамеры. Они обещают: смерть скоро станет выбором. Но какой ценой? Что, если бессмертие достанется не всем? Что произойдёт, когда бессмертные начнут править вечно, а смертные — умирать? Вторая книга серии «Борьба миров». Карта будущего, которое уже строится.

© Петранов А.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть I. Вечное желание: как смерть стала проблемой	8
Часть II. Техно-либертарианский прорыв: смерть как баг	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Борьба миров: Бессмертие

Алексей Петранов

© Алексей Петранов, 2026

ISBN 978-5-0070-0334-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Всё началось не в лаборатории и не в инвестиционном фонде. Всё началось в три часа ночи, когда я не мог заснуть. Мне было, наверное, лет двенадцать. И вдруг накрыло. Не страх — нет, страх приходит и уходит. Пришло понимание. Я умру. Не когда-нибудь, в далёкой старости, о которой не думают. А именно — умру. Перестану быть. Сознание погаснет, как выключили свет. И мира без меня не будет. Я не спал до утра. Перебирал в голове всё, что слышал от взрослых. Про Бога, про рай, про душу. Это не помогало. Потому что я хотел не душу. Я хотел — себя. Свои глаза, свои мысли, свои руки. Чтобы они не кончались никогда. Потом, конечно, это прошло. Днём такие вещи забываются. Но ночью, иногда, возвращалось. И я замечал, что не один такой. У каждого человека есть свои три часа ночи. И каждый решает эту проблему по-своему. Кто-то уходит в веру. Кто-то — в детей, в дело, в память. Кто-то просто перестаёт думать. А кто-то начинает строить.

Через много лет я писал книгу о другом — о том, как мир распадается на панрегионы, как техно-миллиардеры строят ковчеги, а геостратеги рисуют карты будущего. И вдруг понял, что всё это связано. За желанием Илона Маска загрузить сознание в робота стоит то же самое, что мучило меня в двенадцать лет. За криокамерами Питера Тила — то же. За миллиардами, вложенными в генную терапию и нейроинтерфейсы, — всё то же. Страх смерти. Но не просто страх. Отказ принять неизбежное. Упрямство, которое человечество проявляет уже четыре тысячи лет. С первой глиняной таблички с эпосом о Гильгамеше до последнего твита Илона Маска — один и тот же сценарий. Проблема: я умру. Решение: найти способ. Препятствие: очень сложно. Надежда: а вдруг получится. И вот теперь, в XXI веке, произошло нечто новое. Смерть перестала быть метафизической проблемой. Она стала инженерной. Техно-либертарианцы, наследники Айн Рэнд и Кремниевой долины, объявили старение не неизбежностью, а «технической неисправностью». Её нужно не принять, не осмыслить, не пережить — её нужно починить. Как чинят сломанный двигатель. Но у любой починки есть цена. И эта цена — не только миллиарды долларов. Это ещё и перекраивание человеческого. Что случится с любовью, если она может длиться вечно? Что случится с творчеством, если у тебя впереди бесконечность? Что случится с обществом, если одни получают доступ к бессмертию, а другие — нет? Последнее — самое страшное. Потому что неравенство в деньгах, в образовании, в доступе к медицине — это одно. А неравенство в самой жизни — это другое. Когда богатые не просто живут лучше, а живут вечно, а бедные умирают по-прежнему молодыми, социальный контракт разрывается в клочья. И тогда на сцену выходят не философы, а бунтари. Не эссе, а баррикады. Эта книга — не научный трактат. Я не биолог и не геронтолог. Я не даю рецептов вечной жизни и не обещаю, что она наступит через десять лет. Я просто рассказываю историю. Историю о том, как человечество пыталось, пытается и будет пытаться обмануть смерть. О том, что из этого получалось. И о том, что может получиться теперь, когда за дело взялись самые богатые и самые безумные люди планеты. В ней будут мифы и философы, алхимики и стартапы, криокамеры и нейроинтерфейсы. Будут религии, которые всегда говорили «нет» буквальному бессмертию тела. Будут экзистенциалисты, которые доказывали, что смерть делает жизнь ценной. И будут техно-оптимисты, которые отвечают: «Смерть не делает жизнь ценной. Смерть просто её заканчивает. А мы не согласны». Я не знаю, кто прав. Может быть, никто. Может быть, бессмертие действительно наступит — но окажется скучным, как вечный отпуск на третью неделю. Может быть, оно достанется только избранным, и тогда мир расколется на касты. Может быть, технология никогда не заработает, и мы останемся с тем, что есть: с тридцатью годами активной жизни и с надеждой, что дети продолжат наше дело. Но одно я знаю точно. Вопрос уже не в том, «будет ли бессмертие». Вопрос в том, «кому оно достанется». И как мы будем жить с этим знанием. Я написал эту книгу для себя — чтобы разобраться. И для вас

— чтобы вы тоже могли разобраться. Потому что три часа ночи наступают у всех. И каждый решает сам, что с этим делать. Мы начинаем.

Алексей Петранов. Санкт-Петербург.

Часть I. Вечное желание: как смерть стала проблемой

Глава 1.1. Мифы как первые инструкции

Самый древний рассказ о поиске бессмертия дошел до нас на глиняных табличках. Это история Гильгамеша, царя Урука. Он был сильнее всех, прекраснее всех, и боги дали ему почти всё — кроме вечной жизни. Когда умирает его друг Энкиду, Гильгамеш впервые видит собственную смерть. И решает: он не смирится. Он найдёт Утнапиштима — того единственного человека, который пережил Потоп и получил от богов дар бессмертия. Путь Гильгамеша лежит через гору Машу, где солнце заходит в подземный мир. Там живут скорпионы-люди. Дальше — тьма, такая густая, что её можно трогать. И наконец океан, на дне которого растёт растение с колючками, возвращающее молодость. Царь ныряет, привязав к ногам камни. Он достаёт растение. Он победил. Но пока он спит на берегу, змея утаскивает эликсир. И с тех пор змеи сбрасывают кожу и обновляются, а люди — нет. В этом эпосе уже заложена вся схема будущих поисков. Проблема смерти осознаётся как катастрофа. Где-то есть средство — спрятанное, охраняемое, почти недоступное. Чтобы его добыть, нужно пройти испытания. В последний момент происходит крах — змея, случай, предательство. Остаётся только объяснить, почему люди смертны, и построить что-то вместо бессмертия. Гильгамеш возвращается в Урук и показывает возникшему городские стены: «Смотри, это тоже вечность. Моё имя останется». Примерно в то же время, за тысячи километров от Шумера, в долине Инда складывается другая история. Боги и демоны пахтают океан молока, используя гору как мутовку, а змея — как верёвку. Из океана появляются сокровища, чудеса, яд, который выпивает Шива, и наконец — чаша с амритой, напитком бессмертия. Демоны пытаются украсть её, но боги обманывают их. Один из демонов, Раху, всё же успевает отпить. Вишну отсекает ему голову, но напиток уже в горле. С тех пор бессмертная голова Раху в гневе проглатывает Солнце и Луну, вызывая затмения. В этом мифе впервые появляется конфликт за доступ к бессмертию. Амрита существует, её можно получить — но не всем. Боги оставляют её себе. Демоны, почти люди, остаются ни с чем. А один из них получает уродливое, неполное бессмертие — проклятие, а не дар. Китай пошёл ещё дальше. Здесь бессмертие перестало быть уделом богов. Император Цинь Шихуанди, объединитель Китая, строитель Великой стены, всерьёз занялся поисками эликсира вечной жизни. Придворные алхимики снаряжали экспедиции на восточные острова, где, по легендам, росли травы бессмертия. Самый известный из них, Сюй Фу, отправился с тремя тысячами юношей и девушек — и не вернулся. Говорят, он доплыл до Японии и основал там новую цивилизацию. Император же умер в 210 году до нашей эры от ртутного отравления. Эликсиры того времени часто содержали киноварь, сульфид ртути. Лекарство убило. Это уже не миф. Это государственная программа, R&D, инвестиции. И трагический результат: первое задокументированное клиническое испытание завершилось смертью пациента. На севере Европы скандинавы рассказывали о яблоках богини Идунн. Стареющие боги съедают их и возвращают молодость. Но однажды великан Тьяци похищает Идунн вместе с яблоками. Боги начинают дряхлеть, их сила уходит. Локи возвращает богиню — и порядок восстанавливается. Здесь бессмертие оказывается хрупким, зависимым от одного человека и одного ресурса. Если хранитель исчезает — вечность заканчивается. Все эти истории, при всей их внешней разности, строятся по одному лекалу. Герой узнаёт, что смерть можно обмануть. Он отправляется на поиски. Он преодолевает чудовищ, тьму, океан. Он почти достигает цели. И в последний момент теряет всё. Мифы не дают победить. Они объясняют, почему мы умираем: потому что змея была проворнее, потому что боги оставили амриту себе, потому что эликсир оказался ядом. Но они оставляют лазейку. Надежду. Бессмертие существует — просто оно не для нас. Или не для нас пока. И следующая экспедиция, следующий император, следующий алхи-

мик думает: «А вдруг у меня получится?». Именно эта надежда движет сегодняшними техно-миллиардерами. Когда Илон Маск обещает загрузить сознание в робота, когда Питер Тиль замораживает себя в криокамере, когда Сэм Альтман говорит о «бесконечной памяти» — они повторяют древний протокол. Проблема та же: смерть. Средство изменилось: не растение и не амрита, а нейроинтерфейсы и криогенные камеры. Путь стал другим: не горы и океаны, а лаборатории и инвестиционные раунды. Но структура не изменилась. И финал пока тот же: никто ещё не победил. Мифы предупреждали. Они говорили: бессмертие ускользает. Но человек устроен так, что слышит не предупреждение, а вызов. «Змея украла растение? Мы поймем змею». «Боги выпили амриту? Мы станем богами». И в этом, возможно, главное отличие людей от всех остальных существ. Мы знаем, что умрём. И отказываемся с этим мириться. Мы пишем мифы, в которых бессмертие существует. А потом пытаемся сделать их реальностью. Вопрос только в цене. И в том, что произойдёт с обществом, где одни получают доступ к вечной жизни, а другие — нет. Но это мы будем разворачивать дальше. А пока останемся у стен Урука, где Гильгамеш, не добыв растения, строит город. Он обессмертил себя делом, памятью, стенами. Техно-элита хочет большего. Она хочет тело. И готова заплатить любую цену.

Глава 1.2. Античные философы: душа против тела

Гильгамеш вернулся в Урук без растения. Стены города остались, имя осталось, но тело его истлело. Прошло больше тысячи лет. Люди по-прежнему умирали, и по-прежнему искали способы обмануть смерть. Но теперь в поиск вмешались те, кто не верил ни в растения со дна океана, ни в эликсиры алхимиков, ни в яблоки богов. Они верили в разум. Античная Греция — время, когда человек впервые сказал: «Я сам подумаю». Вместо жрецов пришли философы. Вместо мифов — логика. Вместо магических рецептов — вопросы. И первый из этих вопросов был таким: что вообще значит «жить вечно»? Тело умирает — это очевидно. Но, может быть, мы не только тело? Сократ не писал книг. Он ходил по афинским рынкам и задавал вопросы. Смерти он не боялся — когда его приговорили к казни, он выпил чашу с ядом спокойно, даже радостно. Потому что был уверен: душа не умирает. Тело — темница, говорил он. Душа — узник, который только во сне и в смерти освобождается, чтобы увидеть истину. Сократ не искал бессмертия для плоти. Он искал его для того, что считал настоящим собой. Платон, его ученик, превратил эту интуицию в целую философию. Мир, который мы видим, говорил Платон, — всего лишь тень. Настоящая реальность — мир идей, вечных, неизменных, совершенных. Идея стола, идея красоты, идея справедливости. Они не рождаются и не умирают. И душа человека — тоже идея. Она была до рождения тела и будет после его смерти. Более того: тело тянет душу вниз, к страстям, к боли, к страху. Смерть — это освобождение. Платон не хотел жить вечно в этом теле. Он хотел, чтобы душа навсегда ушла в мир идей, где нет страданий, где всё ясно и прекрасно. Это был грандиозный поворот. До Платона все искали бессмертие для того, что можно потрогать. После Платона появилась альтернатива: а что, если бессмертие — это не продление, а выход? Что, если наша подлинная жизнь вообще не здесь? В этом смысле Платон стал предтечей всех религий, которые позже скажут: не цепляйся за тело, оно тленно. Думай о душе. Но он же стал и главным врагом тех, кто в XXI веке захочет заморозить тело или загрузить сознание в чип. Потому что Платон не спрашивал «как сделать тело вечным». Он спрашивал «зачем?». Аристотель, ученик Платона, пошёл другим путём. Он не отрицал душу — для него душа была формой тела, тем, что делает тело живым. Невидимая, но неотделимая. Как форма статуи — это не что-то отдельное от мрамора, а то, что превращает мрамор в статую. Без тела душа — не душа, а просто слово. Аристотель не обещал личного бессмертия. Он говорил, что после смерти человека остаётся не его индивидуальная душа, а нечто общее — разум, который не принадлежит никому конкретному. Но важнее другое. Аристотель первым задумался о пределах жизни. Он изучал животных, разбирали их тела, искал причины старения. Он заметил, что теплокровные живут дольше холоднокровных, что

большие животные обычно живут дольше маленьких, что у всех есть свой предел. И он задал вопрос, который не задавал ни один миф: почему мы стареем? Не «кто нас проклял», а «каков механизм»? Аристотель думал, что жизнь — это внутреннее тепло, которое сгорает со временем. Когда тепло уходит — наступает смерть. Это было наивно, но это была наука. Он не искал эликсир — он искал причину. И тем самым открыл путь тем, кто через две тысячи лет скажет: если старение имеет причину, значит, её можно устранить. Вот где прошёл первый великий раскол. Платон сказал: бессмертие — для души, а тело — тюрьма. Аристотель сказал: душа неотделима от тела, и если мы хотим понять жизнь, мы должны изучать тело. Платон повёл за собой мистиков, богословов, всех, кто ищет спасения вне материи. Аристотель — учёных, врачей, инженеров. Этот раскол длится до сих пор. Когда Илон Маск говорит о загрузке сознания, он стоит на плечах Аристотеля: сознание — это информация, а информация может быть перенесена на другой носитель. Когда религиозный мыслитель говорит, что бессмертие души не зависит от сохранения тела, он стоит на плечах Платона. Они говорят на разных языках, потому что отвечают на разные вопросы. Но был в античности и третий голос. Голос скептиков и эпикурейцев. Эпикур учил: боги есть, но им нет до нас дела. Смерти бояться глупо — пока мы есть, её нет; когда она приходит, нас уже нет. Самое разумное — жить здесь и сейчас, наслаждаться простыми радостями, не мучить себя страхом вечности. Его последователь Лукреций написал поэму «О природе вещей», где объяснял: душа умирает вместе с телом. И это не повод для отчаяния, а повод ценить каждый день. Этот голос тоже не исчез. Он звучит в каждом совете «живи настоящим», в каждой книге по *mindfulness*, в каждой попытке принять смерть как часть жизни. Но техно-миллиардеры его не слышат. Или слышат и отмахиваются. Потому что принимать смерть — это не их метод. Так античные философы задали рамки, в которых мы до сих пор думаем о бессмертии. Платон: душа вечна, тело — нет, и это правильно. Аристотель: душа и тело едины, и если что-то и можно спасти — то через знание, через разум, через науку. Эпикур: успокойся, смерть не страшна, живи сейчас. Все три ответа были даны две с половиной тысячи лет назад. И ни один не удовлетворил человечество. Потому что человек хочет не души без тела и не спокойного принятия. Он хочет тела. Своего тела. Навсегда. И когда через полторы тысячи лет после Платона и Аристотеля алхимики снова начнут искать эликсир, они будут не античными мудрецами. Они будут магами, ремесленниками, тайными агентами надежды. Но они будут помнить: философы сказали, что бессмертие либо не нужно, либо невозможно. Они не согласятся. Они попробуют снова. Гильгамеш потерпел поражение. Античные философы объявили поражение победой. Но человек, который не спит в три часа ночи, не сдаётся. Он идёт дальше. В алхимические лаборатории. В ренессансные анатомички. В современные биотехнологические стартапы. И каждый раз один и тот же вопрос: а что, если на этот раз получится?

Глава 1.3. Алхимики: первые R&D-отделы бессмертия

Прошло больше тысячи лет после Платона и Аристотеля. Империи рушились, религии сражались, люди по-прежнему умирали. Но никто не смирился. Просто поиск бессмертия ушёл в подполье. Теперь им занимались не цари и не философы, а странные люди в прокопчённых лабораториях, которые называли себя алхимиками. Их часто изображают магами или шарлатанами. Это не совсем справедливо. Алхимики были первыми, кто сказал: природу можно изменить. Если правильно смешать вещества, правильно нагреть, правильно выждать — можно получить то, чего не дано от рождения. Золото из свинца? Да, можно. Лекарство от всех болезней? Да, можно. Бессмертие? А почему нет? Идея была проста: мир состоит из одних и тех же материй в разных пропорциях. Свинец — это несовершенное золото. Больной — несовершенный здоровый. Старый — несовершенный молодой. Значит, нужно найти реагент, который восстановит правильные пропорции. Этот реагент называли философским камнем. Он должен был быть красным, тяжёлым, полупрозрачным, похожим на воск. Он мог превращать

металлы в золото — но это было мелкое применение. Главное: он мог превращать старое тело в молодое. Китайские алхимики работали с киноварью, ртутью, серой. Императоры глотали пилюли, надеясь на вечность, и умирали от отравления. Европейские алхимики — ученики арабов, которые сохранили античные знания, — искали камень в перегонных кубах и тиглях. Они не были мистиками в современном смысле. Они были первыми химиками. У них не было таблицы Менделеева, но были реторты, печи, весы. И была вера: секрет природы можно взломать. В этом смысле алхимики — прямые предшественники сегодняшних биотехнологов. Те тоже верят, что старение — это биохимическая проблема, у которой есть химическое решение. Те тоже смешивают вещества в надежде получить «эликсир». Разница только в инструментах. И в том, что алхимики проиграли. Но они проиграли не потому, что ошибались в принципе. Они проиграли, потому что у них не было метода. А потом пришёл Парацельс. Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенхайм — так его звали по-настоящему. Он родился в Швейцарии в конце XV века, был сыном врача, рано начал странствовать. Он не признавал авторитетов — ни античных, ни арабских. Он сжёг книги Авиценны на глазах у студентов в Базельском университете и сказал: «Моя обувь знает больше, чем эти древние писатели». Он был гениален, груб, нетерпелив и, кажется, немного безумен. Именно Парацельс совершил революцию. Он заявил: алхимия должна служить медицине. Не золото — цель, а лекарство. Не обогащение, а исцеление. Он первым начал использовать минералы и химические соединения для лечения — цинк, ртуть, сурьму, железо. Он создал лауданум — настойку опиума, которая веками была главным обезболивающим. Он лечил сифилис, чуму, рак. И он искал эликсир жизни. Парацельс не называл это философским камнем. Он говорил о «архее» — внутреннем принципе, который управляет телом. Если архей повреждён, человек болеет и стареет. Нужно найти средство, которое восстановит его. И это средство — не магия, а химия. Правильно приготовленный эликсир из ртути, серы и соли (его знаменитая «триада первоэлементов») мог, по его мнению, вылечить любую болезнь и продлить жизнь до бесконечности. Он не нашёл его. Он умер в сорока семи годах — от болезни, которую не смог вылечить. Но он изменил алхимию навсегда. После Парацельса поиск бессмертия перестал быть секретным ремеслом. Он стал публичной научной задачей. Алхимики превратились в химиков, а химики — в фармацевтов. Идея осталась: есть вещество, которое отменяет старость. Семнадцатый век. Фрэнсис Бэкон, лорд-канцлер Англии, пишет «Новую Атлантиду» — утопию, где учёные в «Доме Соломона» находят лекарство от всех болезней и средство для продления жизни. Он не дожил до старости — умер от простуды, набивая курицу снегом, чтобы проверить теорию охлаждения. Но его мечта стала программой. Создаются первые академии наук. Химия отделяется от алхимии. Поиск эликсира становится уважаемым. Восемнадцатый век. Антуан Лавуазье доказывает, что горение — это окисление. Алхимическая теория о «флогистоне» рушится. Философский камень объявляют суеверием. Но идея эликсира не умирает. Она просто меняет название. Теперь это «эликсир долголетия». И его ищут не в тиглях, а в анатомических театрах. Что если старение — это износ органов? Тогда нужно их заменять. Первые переливания крови, первые попытки пересадки тканей. Наивно, жестоко, но — прообраз трансплантологии. Деятнадцатый век. Илья Мечников, русский нобелевский лауреат, пишет «Этюды оптимизма». Он утверждает: старение вызывают гнилостные бактерии в кишечнике. Если их убрать — можно жить сто двадцать, двести, триста лет. Он предлагает пить кислое молоко — болгарскую палочку. Это смешно сегодня. Но Мечников первым сделал старение объектом системной научной работы. Он не верил в философский камень. Он верил в микробиологию. И в этом смысле он — наследник Парацельса. Тот верил в химию, Мечников — в бактериологию. Мы сегодня верим в генетику, в стволовые клетки, в нанотехнологии. Форма меняется. Суть — нет. Алхимики проиграли. Но они выиграли главное: они передали эстафету. Они показали, что бессмертие — это не молитва и не чудо. Это работа. Лабораторная работа. Подбор веществ, проверка гипотез, ошибки, смерти, снова ошибки. Когда современный биотехнолог вливает в мышь эксперимен-

тальный препарат, он делает то же, что алхимик, смешивающий ртуть и серу. Только мышь — вместо философского камня. И надежда — та же. Конечно, алхимики заблуждались. Ртуть не лечит. Философского камня нет. Но их главная интуиция оказалась пророческой: природа подчиняется законам, законы можно познать, а познав — изменить. Если старение имеет причину — значит, можно найти противоядие. В этой интуиции — корень всего, что происходит сегодня в Кремниевой долине. Когда Илон Маск говорит, что смерть — это баг, он говорит по-алхимически. Когда Питер Тиль вкладывает в крионику, он играет роль тайного покровителя, которого в старые времена называли «меценат». Когда Сэм Альтман обещает, что ИИ найдёт лекарство от старения, он верит в то же, во что верил Парацельс: есть ключ, и мы его подберём. Разница лишь в том, что у них есть деньги. Миллиарды долларов. И лаборатории. И университеты. И терпеливые инвесторы, которые не требуют результата завтра. У алхимиков не было ничего, кроме упрямства и веры. У них — всё. Но результат пока тот же. Эликсир не найден. И всё равно они продолжают. Потому что остановиться уже нельзя. Гильгамеш не нашёл растение — его потомки строили города. Платон не нашёл бессмертия для тела — он нашёл бессмертие для души. Аристотель не открыл причину старения — он открыл метод его изучения. Алхимики не получили философский камень — они создали химию. Каждый шаг был ошибкой. И каждый шаг приближал. В следующей главе мы увидим, как научная революция превратила поиск бессмертия из ремесла в академическую дисциплину. Как Бэкон, Декарт и Мечников сделали старение не проклятием, а проблемой. И как мы до сих пор пытаемся решить эту проблему теми же инструментами, что и четыре тысячи лет назад. Просто инструменты стали лучше. А надежда осталась прежней.

Глава 1.4. Научная революция: Бэкон, Декарт, Мечников

Научная революция — время, когда старые ответы перестали работать. Человек, который это понял раньше других, был Фрэнсис Бэкон. Лорд-канцлер Англии при короле Якове I, самый высокопоставленный учёный своего времени. В 1621 году его обвинили во взяточничестве, отстранили от должности и лишили права занимать государственные посты. И тогда он полностью посвятил себя тому, что считал главным делом жизни: науке. Бэкон был одержим идеей, что старость и смерть можно победить системным знанием. В 1623 году, в возрасте 63 лет, он опубликовал труд «История естественная и экспериментальная жизни и смерти», где изложил программу кардинального продления человеческой жизни. Он предлагал три направления: замедление изнашивания тела, поддержание существования и обновление уже начавшего стареть. Среди его рекомендаций были опий, паслён, болиголов, мускатный орех, некая «Мафусаилова вода» из варёных раков, а также... купание в человеческой крови (он признавал, что это может показаться «неопрятным и отвратительным»). Наивно. Но не наивно было другое: Бэкон первым заявил, что продление жизни — это работа, требующая систематических исследований, экспериментов и междисциплинарного подхода. Он написал утопию «Новая Атлантида», где идеальное общество управлялось «Домом Соломона» — коллегией учёных, которые применяли научный метод для решения практических задач: лечения болезней, продления жизни, создания новых технологий. Это была первая в истории технократическая утопия. Бэкон предвидел не просто лаборатории, но организованную науку как государственную задачу. Сохранение здоровья, лечение болезней и продление жизни человека он объявил главной задачей медицины. Ирония судьбы чудовищна. В марте 1626 года, через три года после выхода книги, Бэкон решил проверить, может ли холод сохранить мясо от порчи. Он купил тушку курицы, выбежал с ней на улицу и начал набивать её снегом. Во время эксперимента он сильно простудился. Болезнь быстро прогрессировала, и 9 апреля 1626 года Бэкон умер. Он искал способ победить смерть и погиб от простого холода. Человек, который учил человечество не бояться экспериментов, провёл последний эксперимент над собой. И проиграл. Но его идея осталась. Знание — сила. Природу можно подчинить. И смерть — не проклятие, а

задача, у которой есть решение. Примерно в те же годы на континенте работал Рене Декарт. Он тоже хотел победить смерть, но совсем другим способом. Декарт был философом и математиком, автором знаменитого «*Cogito ergo sum*» — «Мыслю, следовательно, существую». Он разделил мир на две субстанции: мыслящую (душу) и протяжённую (тело). Для него тело человека было машиной. Совершенной машиной, но машиной. Оно подчинялось законам физики и механики. Животные — вообще чистые машины, *res extensa*. Если тело — машина, значит, его можно чинить. Заменять изношенные детали. Продлевать срок службы. У Декарта не было конкретного рецепта бессмертия. Но он дал метафору, которая будет работать столетия: тело — это механизм. А механизм не обязан ломаться. В отличие от Платона, Декарт не хотел бессмертия души. Он хотел, чтобы машина работала как можно дольше. И здесь он совершил переворот. Если тело — это машина, то его изучение становится инженерной задачей. Не медитации, не молитвы, не алхимических рецептов, а анатомии, физиологии, механики. Его современник Уильям Гарвей открыл кровообращение и показал, что сердце — это насос. Жизнь перестала быть тайной, которой управляют невидимые силы. Она стала процессом, который можно разобрать на части, понять, измерить. И если понять — то можно и исправить. Так родилась современная биология. А вместе с ней — надежда на технологическое решение смерти. Прошло почти триста лет. Илья Мечников, русский биолог, нобелевский лауреат 1908 года, подхватил эстафету. Он создал фагоцитарную теорию иммунитета — открыл, что клетки-фагоциты «пожирают» бактерии и чужеродные частицы, защищая организм. Но его главная страсть была другой. Мечников хотел победить старость. Он был убеждён: старение вызывают гнилостные бактерии в кишечнике, которые отравляют организм. Убери их — и человек проживёт не 70, а 120, 200, 300 лет. Он предложил бороться с этими бактериями с помощью кисломолочных продуктов — болгарской палочки. Сегодня это звучит наивно. Но Мечников был не наивен. Он был оптимистом. В своей книге «Этюды оптимизма» (1907) он писал: «Цель моих стремлений заключается в достижении людьми естественной смерти, то есть момента, когда после продолжительной нормальной жизни должны наступить прекращение желания жить и инстинктивная потребность смерти». Он не хотел бессмертия. Он хотел долгой, деятельной, здоровой старости, за которой придёт естественное, не мучительное завершение. Идеал ортобиоза — «долгая, деятельная и бодрая старость, приводящая в конечном периоде к развитию чувства насыщения жизнью и к желанию смерти». Мечников был первым, кто сделал старение научной проблемой. До него старели и умирали — и принимали это как данность. Он сказал: нет, это не данность. У этого есть причины. И эти причины можно устранить. Он ввёл термин «геронтология» и стал одним из её основателей. В 1908 году он получил Нобелевскую премию за работы по иммунитету, но сам он к тому моменту уже полностью ушёл в проблему старения. Бэкон, Декарт, Мечников. Три фигуры, три эпохи. Бэкон сказал: нужно систематическое знание, эксперимент, организация науки. Декарт сказал: тело — это машина, а машину можно чинить. Мечников сказал: старение — это болезнь, а у болезни есть причины. Ни один из них не победил смерть. Но они подготовили почву для тех, кто придёт после. Когда сегодня Илон Маск вживляет чип в мозг, когда Питер Тиль замораживает себя в криокамере, когда Джефф Безос вкладывает миллиарды в омоложение клеток — они стоят на плечах этих троих. Бэкон дал им метод. Декарт дал им метафору. Мечников дал им цель. И ни один из них не сдался. Даже когда Бэкон умер от собственного эксперимента. Даже когда Декарта обвиняли в безбожии. Даже когда Мечникова высмеивали за кислое молоко. Они верили: смерть — это не финал. Это задача, которую можно решить. И они передали эту веру дальше. В XX веке наука о старении стала самостоятельной дисциплиной. Были открыты теломеры, стволовые клетки, механизмы апоптоза. Появились первые препараты, продлевающие жизнь лабораторным животным. Человечество вплотную подошло к тому, что раньше казалось магией. Но вместе с научным прогрессом пришли новые вопросы. Не «как», а «кому». Не «когда», а «почему». Бэкон мечтал о «Новой Атлантиде» — обществе, где наука служит всем. Мечников писал о «естественной

смерти» как о всеобщем благе. Но их наследники из Кремниевой долины говорят о другом. Они говорят о бессмертии для избранных. В следующей главе мы увидим, как трансгуманизм — идеология, которую Бэкон и Декарт даже не могли вообразить, — превратил поиск вечной жизни в стартап. И как надежда, которая вдохновляла учёных на протяжении четырёхсот лет, стала инструментом самого страшного неравенства. Философская интерлюдия 1 «Почему мы боимся смерти сильнее, чем страданий?»

Вот что странно. Мы боимся не боли. Боль можно терпеть, обезболить, пережить. Мы боимся не старости — дряхлость неприятна, но многие доживают до глубоких лет без особого ужаса. Мы боимся не неизвестности — в конце концов, мы ничего не знаем о том, что будет после, и это нас тревожит, но не парализует. Мы боимся того, что нас не станет. Не будет сознания. Не будет «я». Мир продолжится — а меня в нём нет. Это не боль, не страдание, не наказание. Это исчезновение. И оно пугает сильнее любого мучения. Почему? Эпикур, живший в Афинах в конце IV века до нашей эры, дал самый простой и самый дерзкий ответ. Он сказал: смерти бояться глупо. Пока мы есть — её нет. Когда она приходит — нас уже нет. Значит, мы никогда с ней не встречаемся. Страх перед смертью — это страх перед тем, чего мы не можем испытать по определению. Он учил своих учеников: представьте, что жизнь — это пир. Вы пришли, поели, выпили, поговорили с друзьями. Когда вы сыты и беседа утомила, вы встаёте и уходите. Не потому, что вас выгнали, а потому что пора. Смерть — это не катастрофа, а естественный выход из-за стола. Не нужно цепляться за последний кусок, не нужно бояться, что за дверью темно. За дверью — ничего. А ничего не страшно. Лукреций, римский поэт и последователь Эпикура, написал об этом стихи: «Смерти поэтому нет для нас никакой и не может / Быть для нас ничем, коль душа умирает, как тело». Он предлагал простую мысленную игру: вспомните, как вам было плохо до вашего рождения. Миллиарды лет вас не было — и вы не страдали. Вот так же будет и после. Логика безупречна. Но она не работает. Три часа ночи наступают снова. Почему? Потому что Эпикур забыл об одном. Страх смерти — это не страх пережить смерть. Это страх потерять жизнь. Не боль, а именно то, что оборвётся тот самый пир, за которым тебе было хорошо. Или не очень хорошо, но это твой пир. Кьеркегор, датский философ XIX века, один из отцов экзистенциализма, ответил иначе. Он сказал: страх смерти — это не ошибка мышления. Это сама структура человеческого существования. Мы не просто живём — мы знаем, что живём. И знаем, что это кончится. Это знание висит над нами, как туча, которую нельзя разогнать логикой. Эпикур предлагает убрать тучу, доказав, что её нет. Кьеркегор говорит: туча есть. И единственный способ справиться — не отрицать её, а научиться жить под ней. Он различал страх и тревогу. Страх — перед конкретной угрозой: волк, пропасть, болезнь. Тревога — перед ничто. Перед тем, что не имеет лица, формы, имени. Смерть — это ничто. И тревога перед смертью — это не патология, а признак того, что человек проснулся. Животные не тревожатся. Только человек. И здесь Кьеркегор делает свой главный ход. Он говорит: тревога перед смертью — это не проклятие. Это приглашение. Она заставляет нас выбирать. Жить по инерции — значит убежать от тревоги. А подлинно жить — значит принимать её, слышать её голос и всё равно действовать. Не «потому что я бессмертен», а «потому что я выбираю». В этом смысле смерть не враг. Она — тот фон, без которого наши решения не имели бы веса. Если бы времени было бесконечно, зачем торопиться любить, творить, прощать? Можно отложить на потом. На вечное потом. И жизнь стала бы серой, как бесконечный понедельник. Так кто прав? Эпикур, который говорит: успокойся, смерти нет? Или Кьеркегор, который говорит: тревожься, это делает тебя человеком? Я не знаю. Но вот что я замечаю. Эпикура цитируют те, кто уже смирился. Кьеркегора — те, кто ещё борется. А техно-миллиардеры — они не цитируют ни того, ни другого. Они не хотят ни успокаиваться, ни тревожиться. Они хотят решить. Эпикур говорит: проблема ложная. Кьеркегор говорит: проблема экзистенциальная. А Маск, Тиль, Альтман говорят: проблема инженерная. И в этом, возможно, самое большое различие между всеми, кто когда-либо думал о смерти. Потому что

инженерная проблема имеет решение. А экзистенциальная — нет. Только принятие. Мы ещё вернёмся к Кьеркегору. В части III, когда будем говорить об экзистенциалистах и о том, что мы теряем, если смерть исчезнет. Но пока оставим этот вопрос висеть в воздухе. Почему мы боимся смерти сильнее, чем страданий? Потому что страдания можно пережить. Их можно вытерпеть, облегчить, забыть. А исчезновение — нельзя. Его нельзя даже вообразить до конца. Каждый раз, пытаясь представить свою смерть, мы остаёмся наблюдателями. А наблюдатель не умирает. Может быть, именно это — главная загадка. Мы не можем представить себя мёртвыми. И от этого страх становится невыносимым. Потому что мы не знаем, чего боимся. Мы боимся пустоты, которую не можем заполнить даже страхом. В следующей интерлюдии мы поговорим о другом. О том, что будет, если страх исчезнет. Если бессмертие станет реальностью. Останется ли место для подлинной жизни? Или мы превратимся в скучающих богов, которым нечем заняться в вечности? Но это позже. А пока — спите спокойно. Или не спите. Три часа ночи — это тоже часть жизни.

Глава 1.5. Просвещение и утопии: бессмертие как право

Кондорсе, Годвин, маркиз де Сад. Революция обещает не только свободу, но и вечную жизнь.

Восемнадцатый век ломал старые границы. Люди, которые ещё недавно считали себя подданными, вдруг назвались гражданами. Монархи летели с тронов. Декларации провозглашали права человека — не бога, не короля, а именно человека. И в этом опьянении свободой кто-то задал вопрос, который раньше не задавали: а почему, собственно, мы должны умирать? Если все люди рождаются свободными и равными, если мы имеем право на жизнь, то почему жизнь так коротка? Почему она обрывается раньше, чем мы успеваем насладиться свободой, которую завоевали? Почему революция обещает всё, но не обещает вечности? Вопрос прозвучал впервые. И на него попытались ответить трое очень разных людей, живших в тени гильотины и надежды. Мари Жан Антуан Никола де Кондорсе был аристократом, математиком, философом и революционером. Он верил в прогресс так, как верят в восход солнца. В 1793 году, когда во Франции бушевал террор, когда его друзей одного за другим отправляли на гильотину, Кондорсе писал свою главную книгу. Он скрывался, он был приговорён к смерти, но он писал. «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» — это гимн человечеству, который человек пел, прячась в подвале. Кондорсе был уверен: разум не знает границ. Если люди научились управлять природой, побеждать болезни, строить города, то почему они не могут научиться управлять самой смертью? Он не говорил о бессмертии как о мгновенном чуде. Он говорил о постепенном, бесконечном совершенствовании. «Человек не станет бессмертным, — писал он, — но расстояние между моментом, когда он начинает жить, и тем, когда он естественно, без болезни, испытывает затруднение существовать, не может ли оно беспредельно возрастать?» Кондорсе не требовал эликсира. Он не искал философский камень. Он говорил о науке, о гигиене, о медицине, об образовании. Каждый шаг вперёд, каждая победа над голодом и чумой приближают человечество к тому дню, когда смерть перестанет быть неизбежностью, а станет просто ещё одной проблемой, которую можно решить. Он верил, что продолжительность жизни должна «беспредельно увеличиваться, по мере того, как мы углубляемся в будущность», приближаясь «к беспредельной продолжительности, никогда её не достигая». В 1794 году Кондорсе умер — принял яд, чтобы не попасть в руки палачей. Он не дождался того будущего, которое предсказывал. Но его идея осталась. Бессмертие больше не было привилегией богов. Оно стало правом человечества. Или, по крайней мере, его законной надеждой. Через Ла-Манш, в Англии, другой мыслитель развивал сходные идеи. Уильям Годвин, священник, ставший атеистом, отец анархизма, муж феминистки Мэри Уолстонкрафт, тесть поэта Шелли, написал в 1793 году «Исследование о политической справедливости». Это был манифест радикального гуманизма. Годвин утверждал: все пороки

людей и бедствия, поражающие человечество, проистекают из несовершенства общественных учреждений. Частная собственность, разделяя людей на богатых и бедных, ведёт к различным порокам, поэтому она — зло. Если убрать эти искусственные преграды, человек сможет развиваться бесконечно. Разум, просвещение, справедливость приведут к тому, что люди станут лучше, сильнее, долговечнее. В первом издании «Политической справедливости» Годвин пошёл дальше. Он задал вопрос, который шокировал современников: почему человек не может быть бессмертным? Он серьёзно размышлял о возможности земного, физического бессмертия, достигнутого через разум и совершенствование общественных институтов. Для него это было не абсурдной спекуляцией, а неотъемлемой частью его философии о «совершенствуемости» (perfectibility) и человеческом прогрессе. Позже, под давлением критики, он смягчил формулировки. Но суть осталась: человек способен на бесконечное улучшение. А раз так — почему не на бесконечную жизнь? Оптимизму Кондорсе и Годвина противостоял мрачный англичанин — Томас Роберт Мальтус. В 1798 году он опубликовал «Опыт о законе народонаселения». Идея Мальтуса была проста и пугающа: население растёт в геометрической прогрессии, а ресурсы — только в арифметической. Значит, голод, нищета, войны неизбежны. Любая попытка улучшить жизнь людей, продлить их существование приведёт лишь к тому, что людей станет больше, а еды — нет. И тогда смерть придёт ещё более жестокими способами. Мальтус высмеивал «ребяческие мечты» Кондорсе. «Если, не имея ни одного признака, указывающего на возможность какого-либо изменения, мы вправе утверждать, что такое изменение всё-таки совершится, — писал он, — то предположение о том, что Луна сольётся с Землёю, имело бы одинаковую достоверность с утверждением, что завтра взойдёт Солнце». Он гордился своим учёным педантизмом. Кто оказался прав? В краткосрочной перспективе — Мальтус. В долгосрочной — Кондорсе. Со времени появления «Эскиза» не прошло и двух столетий, а средняя продолжительность жизни во Франции увеличилась по меньшей мере на 40 лет — в четыре раза больше, чем за всю предшествовавшую историю. В начале XXI века во многих странах люди живут в два-три раза дольше, чем во времена Кондорсе. Прогресс победил. Но победа эта оказалась двусмысленной. Мы научились лечить болезни, бороться с голодом, создавать комфорт. Но мы не научились делать всех счастливыми. И уж точно не научились делать всех бессмертными. Третий голос в этом хоре звучал совсем иначе. Маркиз де Сад, современник Кондорсе и Годвина, тоже был ребёнком Просвещения. Он тоже отвергал Бога, церковь, традиционную мораль. Он тоже верил в природу. Но природа де Сада была не благожелательной учительницей, а безжалостной убийцей. Природа, учил он, не знает добра и зла. Она знает только силу и слабость, жизнь и смерть. Смерть — это не враг. Смерть — это закон. И закон этот не нужно отменять. Его нужно понять и принять. Де Сад не искал бессмертия. Он считал бессмертие иллюзией. Природа отрицает вечность для индивидуумов, говорил он. Смерть — это всего лишь смена формы, незаметный переход из одного существования в другое. Поэтому нет смысла цепляться за свою жалкую жизнь. Нужно жить по законам природы — то есть брать всё, что можешь взять, и не бояться, что за это накажут. Потому что никакого высшего суда нет. Есть только вечное движение материи. Сам де Сад был уверен в одном виде бессмертия — в бессмертии своего имени. В письме сыну он предсказал, что его имя будет жить вечно, даже когда его собственная история угаснет. «Не сомневайтесь в бессмертии вашего имени, которое будет связано с моими достижениями», — писал он. И оказался прав: имя «маркиз де Сад» стало нарицательным. Но это не то бессмертие, которое искали Кондорсе и Годвин. Это бессмертие скандала, а не плоти. Вот три ответа, которые дало Просвещение на вопрос о бессмертии. Кондорсе: бессмертие достижимо, если человечество будет двигаться по пути прогресса. Годвин: бессмертие возможно, если мы построим справедливое общество, свободное от собственности и угнетения. Де Сад: бессмертие — это иллюзия; единственная реальность — это бесконечное движение природы, в котором жизнь и смерть не более чем мгновения. Просвещение, которое объявило права человека священными, логично пришло к праву

на бесконечную жизнь. Если человек имеет право на жизнь, то почему это право ограничено каким-то сроком? Если человек имеет право на свободу, то почему он не свободен от смерти? Если человек имеет право на счастье, то почему счастье должно закончиться? Эти вопросы не были риторическими. Они стали программой. Более того, современные трансгуманисты, когда говорят о радикальном улучшении человека, о преодолении биологических ограничений, о бесконечном совершенствовании, они напрямую апеллируют к идее *perfectibilité*, которую Кондорсе и Годвин поставили в центр своего мировоззрения. Апологеты трансгуманизма стремятся объявить себя наследниками гуманизма эпохи Просвещения, а Кондорсе — своим «духовным наставником». Но была в этом новом мировоззрении и трещина. Равенство, о котором говорили философы, осталось на бумаге. Свобода оказалась доступной не всем. А бессмертие — если оно когда-нибудь наступит — тем более не станет всеобщим. Оно станет товаром. Или привилегией. Или оружием.

И тогда права человека, о которых мечтали Кондорсе и Годвин, превратятся в привилегию сверхчеловека. И мы вернёмся к тому, с чего начали: к разделению на богов и смертных, на тех, кто живёт вечно, и тех, кто умирает. Только теперь боги будут не на Олимпе, а в Кремниевой долине. Но это случится позже. А пока — революция отгремела. Гильотина упала. Кондорсе принял яд. Годвин умер в неизвестности. Де Сад сошёл с ума. А идея бессмертия, которая казалась кощунственной ещё век назад, стала частью европейского воображения. Человек Просвещения впервые почувствовал, что смерть — это не проклятие, а вызов. И на этот вызов нужно ответить. В следующей главе мы увидим, как этот вызов превратился в инженерную задачу. Как Мечников, Бэкон и другие учёные попытались сделать бессмертие не мечтой, а планом. И как наука, которая начиналась со скромных попыток отсрочить смерть, дошла до амбициозных проектов полной её отмены. Но это уже будет не философия. Это будет технология.

Глава 1.6. Религиозный ответ: воскресение души против бессмертия тела

Христианство, ислам, иудаизм о пределах человеческой природы. Почему вера против «лекарства от смерти».

Пока философы спорили, а алхимики смешивали ртуть с серой, церкви хранили молчание. Не потому, что им было всё равно. А потому, что они знали ответ. Он был дан давно, и менять его не собирались. Смерть не случайна. Смерть не ошибка. Смерть — это последствие. Первого человека, Адама, Бог создал бессмертным. Он не должен был болеть, стареть, умирать. Но Адам ослушался. И за ослушание пришла смерть. Не как наказание в узком смысле — как естественное следствие разрыва с источником жизни. Отделились от Бога — и начали умирать. С тех пор каждый человек рождается уже падшим, уже несущим в себе эту трещину. И никакая технология её не закроет. Христианство, ислам, иудаизм — три авраамические религии, три ветви одного дерева — сходятся в этом главном пункте. Бессмертие было, потом его не стало. И вернуть его можно только одним способом: восстановить связь с Богом. Не через пробирку, не через чип, не через криокамеру. А через веру, покаяние, послушание. И даже тогда бессмертие будет не бесконечным продолжением этой жизни, а воскресением в новой, преображённой плоти. Или жизнью души без тела. Или перерождением в ином качестве. Но ни в коем случае не замораживанием головы в жидком азоте. — Начнём с христианства, потому что оно дало самый развёрнутый и влиятельный ответ. Апостол Павел, человек, который больше всех определил облик новой религии, писал: «Сеется тело душевное, восстает тело духовное». Он не отрицал воскресение плоти. Наоборот, он настаивал: воскреснет именно тело, но преображённое, нетленное, не такое, как сейчас. Не то, которое стареет, болеет, разлагается. А новое, как у Христа после Его воскресения. Оно будет — но не здесь, не в этом мире, и не по нашим технологическим рецептам. Августин, епископ Гиппонский, живший на рубеже IV и V веков, довёл эту мысль до предела. Он учил, что первородный грех испортил не только душу,

но и тело. Воля человека ослабла, разум помутился, плоть стала смертной. И никакие усилия самого человека — ни аскетические подвиги, ни научные изыскания — не могут это исправить. Только благодать Божья. И только после смерти. Августин не был мрачным фанатиком. Он понимал, что люди хотят жить долго. Он не запрещал лечиться, не отрицал медицину. Но он проводил чёткую границу: продление жизни — да, борьба со страданиями — да, забота о теле — да. Но бессмертие — нет. Бессмертие принадлежит Богу. И попытка достичь его своими силами — это не наука, а гордыня. Та же самая гордыня, из-за которой Адам и Ева вкусили запретный плод. В Средние века Фома Аквинский, великий схоласт, систематизировал это учение. Он объяснял: душа бессмертна по своей природе, потому что она — форма тела, но форма духовная, неразрушимая. Тело же смертно по своей природе. Воскресение тела — это чудо, которое совершит Бог в конце времён. Не технология, а таинство. Человек, который пытается сделать себя бессмертным здесь и сейчас, вторгается в область Божественного. Это не просто ошибка, это грех. Протестантская реформация XVI века ничего не изменила в этом пункте. Лютер и Кальвин, при всём их расхождении с католиками, были едины: смерть — это расплата за грех, и только вера дарует жизнь вечную. Не научный прогресс. Так христианство на протяжении полутора тысяч лет твердило одно: не пытайся стать богом. Ты человек. Ты смертен. И это не баг, это фишка. Потому что смерть — это переход. Это дверь. А не тупик.

Ислам, возникший в VII веке, впитал многие библейские сюжеты, но дал им свою окраску. Коран прямо говорит о сотворении Адама, о его грехопадении, об изгнании из рая. И о смерти как о всеобщем законе: «Всякая душа вкусит смерть». Это не проклятие, не наказание в узком смысле — это установленный Аллахом порядок. Человек не властен его отменить. Но ислам, в отличие от христианства, не считает тело темницей души. Тело — творение Аллаха, и оно прекрасно. Заботиться о нём, лечить его, продлевать его здоровую жизнь — богоугодное дело. Пророк Мухаммад говорил: «У вас есть тело, у которого есть права на вас». Исламская медицина в Средние века была самой передовой в мире. Врачи искали лекарства от болезней, изучали анатомию, экспериментировали. Но есть предел. Исламская теология проводит чёткую границу между лечением и бессмертием. Лечить — можно и нужно. Пытаться сделать тело вечным — нельзя. Потому что вечность — только у Аллаха. Человек, который стремится к земному бессмертию, как бы объявляет себя равным Богу. Это ширк — приращение Аллаху сотоварищей, самый тяжкий грех. Более того, ислам учит, что смерть — это не только конец, но и начало. Смерть — это переход в барзах, промежуточное состояние, где душа ожидает Судного дня. И только после Суда наступит истинная жизнь — в раю или в аду. С земной жизнью она не сравнима. Поэтому цепляться за земную жизнь, пытаться её бесконечно продлить — это не просто ошибка, это неверие в то, что Аллах уготовил для верующих нечто лучшее. Современные исламские богословы, когда их спрашивают о крионике или о цифровом бессмертии, отвечают однозначно: это запрещено. Потому что это попытка обойти волю Аллаха, изменить Его творение. Потому что это ставит человека на место Творца. Потому что это иллюзия, которая отвлекает от главного — подготовки к вечной жизни в мире ином. — Иудаизм, самая древняя из трёх авраамических религий, смотрит на жизнь и смерть несколько иначе. В Ветхом Завете нет чёткого учения о загробной жизни. Шеол — это тёмная, безрадостная область, куда уходят все мёртвые, независимо от их праведности. Главное — это жизнь здесь, на земле. Долгая жизнь, здоровая жизнь, жизнь в кругу детей и внуков — вот что считается благословением Божиим. «Почитай отца и мать, чтобы продлились дни твои на земле» — это не метафора, а прямое обещание. Иудаизм не запрещает лечиться, продлевать жизнь, бороться со страданиями. Наоборот, это заповедь. В Талмуде сказано: «Тот, кто сидит в осаждённом городе и ждёт, пока придут язычники, не имеет права уморить себя голодом. Он должен делать всё, чтобы выжить». Жизнь — высшая ценность. Потому что только в этой жизни можно исполнять заповеди, творить добро, приближать приход Мессии. Но и здесь есть граница. Иудаизм не одобряет самоубийство. Не одобряет эвтаназию. Но и бесконечное про-

дление жизни любой ценой — тоже не одобряет. Потому что жизнь дана Богом, и Он же определяет её срок. Человек может молиться о продлении дней, может лечиться, может надеяться на чудо. Но не может требовать бессмертия как права. В современном иудаизме ведутся споры о крионике. Некоторые раввины разрешают — но только при условии, что это не считается «самоубийством» и не препятствует погребению по закону. Другие категорически запрещают, потому что это вмешательство в Божественный план. Но никто не говорит, что крионика — это путь к бессмертию, который одобряет Тора. Иудаизм, в отличие от христианства и ислама, менее категоричен. Но он тоже не даёт добро на «лекарство от смерти». Потому что смерть — это часть миропорядка. И даже когда Мессия придёт, мёртвые воскреснут — но не потому, что люди изобрели технологию, а потому что так захочет Бог.

Общее у всех трёх религий — это идея границы. Человек не должен переступать её. Не потому, что Бог жесток. А потому, что переступивший перестаёт быть человеком. Становится кем? Демиургом. Творцом самого себя. Тем, кто сам решает, когда ему умирать. А это, по мысли религиозных мыслителей, — путь к катастрофе. Потому что человек, не знающий смерти, теряет меру. Он перестаёт ценить время, перестаёт торопиться любить, перестаёт бояться греха. Бесконечная жизнь без смерти — это не рай, а ад. Ад бесконечной скуки, бесконечного повторения, бесконечной потери смысла. Конечно, сегодня мало кто слушает эти аргументы. Техно-миллиардеры не ходят к раввинам и священникам за разрешением. Они строят свои ковчеги. Но важно понимать: религия — это не просто набор запретов. Это многовековой опыт размышления о том, что делает человека человеком. И когда Илон Маск говорит, что смерть — это баг, он вступает в диалог с этой традицией. Диалог, в котором он, кажется, даже не слышит собеседника. А собеседник говорит: смерть — это не баг. Это условие. Условие нашей человечности. Уберите смерть — и человек перестанет быть тем, кем он был. Он станет чем-то другим. Может быть, лучше. Может быть, хуже. Но точно не человеком. И вот здесь — главный разрыв. Техно-гуманисты (или трансгуманисты) говорят: «Да, мы станем другими. И это прекрасно». Религиозные мыслители говорят: «Другими — значит, не нами. А мы не хотим переставать быть собой». Кто прав? Книга не даёт ответа. Но она фиксирует: этот конфликт не разрешится в лаборатории. Он разрешится — если разрешится — в головах. И он будет только обостряться, когда технологии станут ближе к обещанному бессмертию.

В следующей главе мы посмотрим на восточные религии — буддизм и индуизм. Там ответ на вопрос о бессмертии совсем другой. Не «да» и не «нет», а «это не тот вопрос». И это, возможно, самый радикальный ответ из всех. Но сначала — философская интерлюдия, в которой мы спросим себя: а что, если страх смерти — это не ошибка и не проклятие, а топливо, которое движет всем человечеством? И что будет, когда это топливо закончится?

Эпикур советовал не бояться. Кьеркегор советовал тревожиться, но жить. Религии говорят: приготовься к переходу. Техно-миллиардеры говорят: починим. Но никто не задаёт вопрос, который лежит глубже. А что, если сам страх смерти — это не проблема? Что, если это — мотор? Попробуем представить. Вы боитесь, что не успеете. Не успеете закончить дело, вырастить детей, написать книгу, увидеть закат на чужом берегу. Страх заставляет вас вставать рано, работать допоздна, рисковать, любить отчаянно. Вы торопитесь. Вы живёте в ускоренном режиме. И это ускорение — не побочный эффект, а главная движущая сила. Теперь уберите страх. Представьте, что вы знаете: у вас впереди вечность. Не сто лет, не двести, а бесконечность. Зачем торопиться писать эту книгу? Можно отложить на тысячелетие. Зачем воспитывать детей сегодня? Они никуда не денутся, да и вы тоже. Зачем любить сейчас, если можно будет завтра, через год, через сто лет? Или никогда. Что остаётся? Скука. Бесконечная, серая, невыносимая скука. Это не моя выдумка. Об этом писали фантасты. Вспомните «Машину времени» Уэллса: элои и морлоки — две ветви человечества, которые разошлись, потому что одни перестали бояться и бороться, а другие ушли в подземелья и продолжали работать. Элои прекрасны, беззаботны, вечны — и пусты. Их жизнь — это вечный день без цели. Или «Город и

звёзды» Кларка: Диаспар, город бессмертных, где люди живут миллиарды лет и уже ничего не хотят. Они заменили жизнь игрой в симуляции, потому что настоящая жизнь потеряла смысл. Бессмертие убило желание. Конечно, техно-миллиардеры скажут: мы не будем скучать. Мы будем путешествовать по звёздам, открывать новые галактики, создавать произведения искусства, которые невозможно представить. Вечность — это не скука, это бесконечный простор. Может быть. Но давайте посмотрим правде в глаза. Уже сейчас, имея в распоряжении семьдесят-восемьдесят лет, большинство людей тратит время на телевизор, соцсети, бессмысленные споры. Если добавить бесконечность, количество пустого времени умножится на бесконечность. Великие произведения создаются не тогда, когда времени много, а когда его мало. Шекспир написал 37 пьес за двадцать лет, зная, что умрёт. Моцарт умер в 35. Ван Гог прожил 37 лет и сошёл с ума от нехватки времени и признания. Если бы у них была вечность, они, возможно, написали бы по одной пьесе, одной симфонии, одной картине. Или не написали бы ничего. Страх смерти — это не проклятие. Это редактор. Он отсекает лишнее. Он говорит: у тебя мало времени, выбирай, что действительно важно. Он заставляет нас расставлять приоритеты. Без него приоритеты исчезают. Всё важно — или ничего. Парадокс в том, что техно-миллиардеры, которые хотят победить смерть, сами являются её продуктом. Если бы они не боялись умереть, стали бы они строить ракеты и нейроинтерфейсы? Скорее всего, они лежали бы на диване. Их энергия, их одержимость, их безумная работоспособность — это прямая конверсия страха. Страх, что не успеют. Страх, что умрут, не оставив следа. Страх, что их гениальность канет в Лету. Они бегут от смерти. И это бегство создаёт всё, чем мы восхищаемся. И чем ужасаемся. Что произойдёт, если они догонят? Если смерть действительно отменят? Допустим, не для всех, а для них — для избранных. Мотор заглохнет. Страх исчезнет. А вместе с ним — причина вставать с утра и делать что-то великое. Конечно, можно возразить: появятся другие мотивации. Любопытство. Игра. Желание превзойти себя. Но посмотрите на самых богатых людей планеты. Они уже сейчас живут в условиях, приближённых к бессмертию: у них есть всё, они никуда не торопятся, они могут позволить себе любые удовольствия. И что мы видим? Они скучают. Они покупают острова, запускают ракеты, скупают стартапы — не потому, что это нужно, а потому, что нечем заняться. Бессмертие уже здесь, в их банковских счетах. И оно не сделало их счастливее. Оно сделало их более одержимыми. Одержимостью, которая имитирует жизнь. Страх смерти — это не болезнь. Это двигатель. И если его отключить, машина остановится. Может быть, не сразу. Может быть, инерция сохранится на поколение-другое. Но когда исчезнет поколение, которое помнит, что такое смерть, человечество изменится. Оно станет другим. Может быть, элоями. Может быть, морлоками. Может быть, кем-то, кого мы не можем вообразить. Но это будет не мы. Вот чего бояться не техно-миллиардеры, а их молчаливые оппоненты. Не того, что бессмертие невозможно. А того, что оно возможно. И что, когда оно наступит, человек перестанет быть человеком. Не потому, что его тело станет механическим. А потому, что исчезнет то, что делало его человеком, — конечность. И вместе с конечностью — спешка, страсть, отчаяние, надежда, любовь, которая знает, что «пока смерть не разлучит нас», — не вечность, а именно этот миг, который может быть последним. Страх смерти — это топливо. Топливо, на котором человечество летело четыре тысячи лет. От Гильгамеша до Маска. Мы не знаем, что будет, когда бак опустеет. Может быть, мы пересядем на другой вид энергии. Может быть, полетим на парусах. Может быть, останемся на месте. Но одно ясно: мы не можем просто выключить двигатель и надеяться, что ничего не изменится. Изменится всё. И начнётся новая история. История существ, которые не боятся смерти. А значит, не боятся ничего. И это — самое страшное. В следующей части мы вернёмся к земле. Посмотрим, как конкретные люди — Питер Тиль, Сэм Альтман, Илон Маск — превращают страх смерти в бизнес. И как их проекты уже сегодня меняют мир. Но сначала — ещё одна философская пауза. Потому что без неё мы рискуем принять технологии за судьбу. А это

не так. Судьба — это мы. Со страхом или без. С топливом или без. Но это мы. И пока мы не умерли, мы ещё можем выбирать.

Глава 1.7. Первые фантасты: предчувствие технологий Уэллс, Беляев, Замятин. Как литература XX века угадала крионику, генную инженерию и цифровое бессмертие.

Человек, который ничего не боится, не изобретает. Человек, который не мечтает о невозможном, не строит будущее. Поэтому, прежде чем технологии появляются в лабораториях, они возникают в головах. И чаще всего — в головах писателей-фантастов. XX век дал нам трёх пророков, которые не просто предсказали технологии продления жизни, а показали, как эти технологии изменят общество, иерархию и самого человека. Герберт Уэллс придумал крионику и анабиоз ещё в XIX столетии. Александр Беляев описал пересадку головы и искусственные органы, когда хирурги только учились зашивать раны. Евгений Замятин в своей антиутопии «Мы» показал мир, где личность уничтожена ради «общего блага», — и этот мир пугающе напоминает техно-тоталитарные сценарии наших дней. Они не просто гадали. Они предупреждали.

Уэллс: крионика и анабиоз раньше, чем это стало наукой В 1899 году Герберт Уэллс опубликовал роман «Когда спящий проснётся». Герой по имени Грэм впадает в каталептический сон на двести лет. Когда он просыпается, мир изменился до неузнаваемости. А его банковский счёт за два столетия вырос до невероятных размеров, сделав его формальным владельцем половины земного шара. Но настоящая власть принадлежит не ему, а олигархам, которые управляют миром от его имени. Уэллс придумал «долгий сон» — гибернацию, анабиоз, то, что сегодня мы называем крионикой. Он понял главное: технологии не решают проблему власти, они её усугубляют. Человек, который проспал двести лет, не становится мудрее. Он становится анахронизмом. Игрушкой в руках тех, кто управлял его деньгами и его «бессмертием». Но Уэллс пошёл дальше. В повести «Эликсир жизни» он описал мир будущего, где люди научились летать к планетам и, благодаря неслыханным достижениям медицины, надеялись обрести физическое бессмертие. А затем — всемирный потоп. Катастрофа, которая смывает всё. Бессмертие не спасло. Ещё раньше, в 1896 году, в романе «Остров доктора Моро» Уэллс предвосхитил генную инженерию. Доктор Моро проводит чудовищные эксперименты над животными, создавая полулюдей. Уэллс не мог знать о ДНК и редактировании генома — он использовал образ хирургического вмешательства. Но суть он угадал: человек берёт на себя функцию Творца. И результат оказывается уродливым. Уэллс был не техно-оптимистом, а техно-пессимистом. Он верил в науку, но боялся её. Он видел, что технологии не делают людей лучше, они лишь дают больше власти тем, кто уже у власти. Его бессмертные не становились добрее. Они становились скучающими, жестокими или беспомощными. Уэллс предупредил нас задолго до того, как криокамеры стали реальностью: бессмертие не решит социальных проблем. Оно их усугубит.

Беляев: пересадка головы и искусственное тело Александр Беляев, которого называли «советским Жюль Верном», писал из собственной боли. Он тяжело болел туберкулёзом позвоночника, годы провёл в гипсовых корсетах, почти не двигался. Он знал, что значит быть пленником собственного тела. И он мечтал освободиться. В 1925 году выходит его роман «Голова профессора Доуля». Профессор Керн оживляет голову знаменитого хирурга Доуля, отделённую от тела. Голова живёт, мыслит, разговаривает. Она продолжает делать научные открытия. Но она беспомощна. Керн использует её как раба, выдавая её идеи за свои. Беляев придумал трансплантацию головы задолго до того, как медицина научилась пересаживать даже пальцы. Он описал «аппарат искусственного кровообращения», который поддерживает жизнь изолированного органа. И он задал главный вопрос: чья это жизнь? Голова Доуля жива, но можно ли назвать это существованием? Кто владеет телом, если голова принадлежит одному, а туло-

вище — другому? Беляев предвидел не только технологию, но и этический тупик. Интересно, что сразу после выхода романа советские физиологи Брюхоненко и Чечулин начали проводить реальные опыты по оживлению головы собаки с помощью аппарата искусственного кровообращения. Наука догоняла фантастику. Беляев не предсказывал — он конструировал будущее, в котором хотел бы жить сам. В другом романе, «Человек-амфибия», Беляев описал ихтиандра — человека с акулыными жабрами, способного жить под водой. Но главное в этой истории не операция, а судьба. Созданный искусственно, вырванный из человеческого общества, ихтиандр оказывается никому не нужным. Он слишком чужой для людей и слишком человеческий для рыб. Технология дала ему жизнь, но не дала места в мире. Беляев знал это по себе. Он был пленником своего тела. Он мечтал о новом. Но он понимал: быть «усовершенствованным» — не значит быть счастливым.

Замятин и другие: антиутопии вечной жизни Евгений Замятин написал «Мы» в 1920 году. Это была первая антиутопия в мировой литературе. До Оруэлла, до Хаксли, до Брэдбери. Замятин показал мир Единого Государства, где у людей нет имён — только номера. Где нет любви — только секс по талонам. Где нет смерти — потому что нет и жизни в нашем понимании. Люди бессмертны как биологические единицы, но они мертвы как личности. Замятин не описывал конкретных технологий бессмертия. Он описывал последствия. Если все равны, если все одинаковы, если все живут вечно — то что остаётся? Математическое «счастье», где «дважды два — четыре», и ничего больше. Вечно влюблённые «дважды два», вечно слитые в страстном четыре. Замятин понял то, что техно-миллиардеры сегодня не хотят понимать: бессмертие без свободы — не подарок, а тюрьма. Бессмертие без индивидуальности — не вечность, а бесконечная пытка однообразием. В том же 1932 году Олдос Хаксли опубликовал «О дивный новый мир». Генная инженерия, конвейерное производство людей, разделение на касты от рождения. Люди не болеют, не стареют, не страдают. Они принимают сому и занимаются сексом без обязательств. Они «счастливы». Но это счастье — фабричное, запрограммированное, лишённое выбора. Хаксли предсказал не технологию, а социальную инженерию. Он понял: бессмертие и генная инженерия станут инструментами контроля. Не для всех. Только для тех, кто будет управлять. А остальные получают «счастье» в дозах, определённых сверху. Стругацкие, уже во второй половине XX века, в рассказе «Свечи перед пультом» описали океанолога академика Окаду, который умирает, но его мозг решают прочесть и сохранить в электронном виде для последующего воспроизведения. Это одно из первых описаний цифрового бессмертия — переноса личности в машину. Стругацкие, как и Лем позже, задались вопросом: останется ли копия оригиналом? Или это будет уже кто-то другой, лишь воображающий себя прежним? Станислав Лем, философ и фантаст, в одном из своих диалогов пришёл к выводу: «бессмертие копии не есть бессмертие оригинала. В субъекте есть нечто такое, копирование чего невозможно». Он предвидел главную проблему цифрового бессмертия: проблему идентичности. Если тебя скопировали — умер ли ты? Или продолжаешь жить в машине? Лем не давал ответа. Он показывал, что вопрос сложнее, чем кажется техно-оптимистам. Роберт Хайнлайн пошёл другим путём. В цикле о «Семье Говарда» он описал селекционную программу по выведению людей-долгожителей. Браки между потомками долгожителей, генетический отбор, элитарное бессмертие. Хайнлайн придумал биологическую аристократию — касту тех, кто рождён жить дольше. Это уже не технология, доступная всем. Это привилегия по крови. И он показал, к чему это приводит: к конфликту между «долгоживущими» и «короткоживущими», к ненависти, к войне. Клиффорд Саймак в рассказе «Утраченная вечность» вынес вердикт: «Бессмертие — это бомба с часовым механизмом». Его герои получают вечную жизнь — и не знают, что с ней делать. Саймак понял: проблема не в том, как достичь бессмертия. Проблема в том, как жить с ним.

Что они поняли раньше нас Все эти писатели — Уэллс, Беляев, Замятин, Хаксли, Лем, Хайнлайн, Саймак, Стругацкие — жили в разное время, в разных странах, писали на разных

языках. Но их предупреждения удивительно едины. Во-первых, они поняли: технологии бессмертия не будут доступны всем. Они станут привилегией элиты. Уэллс показал олигархов, управляющих «спящим» миллиардером. Хаксли описал касты от рождения. Хайнлайн придумал селекционную аристократию. Во-вторых, они поняли: бессмертие не решает проблему счастья. Оно создаёт новые. Скука, бесцельность, потеря мотивации. Замятин показал это как «математическое счастье». Лем — как философский тупик. В-третьих, они поняли: личность не сводится к информации. Пересаженная голова — это ещё не человек. Сохранённый в компьютере мозг — это ещё не личность. Есть нечто, что не копируется. И если техно-оптимисты называют это «багом», то фантасты напоминают: может быть, это фича. Может быть, смерть — не проклятие, а условие нашей человечности. Беляев, прикованный к постели, мечтал о новом теле. Но он знал цену этой мечте. Уэллс, биолог по образованию, понимал, что эволюция не знает жалости. Замятин, переживший революцию, знал, что тоталитаризм начинается с «общего блага». Лем, философ, понимал, что технология не отвечает на главные вопросы. Она лишь переформулирует их. Их книги — не футурология. Это предупреждения. Предупреждения, которые мы сегодня игнорируем, потому что слишком заняты строительством бессмертия.

Кольцо замыкается Гильгамеш искал растение. Алхимики искали философский камень. Учёные ищут лекарство от старения. А писатели всё это время наблюдали со стороны и записывали. Они видели, что каждое поколение повторяет одну и ту же ошибку: верит, что на этот раз получится. Что эликсир не отравит. Что криокамера не разморозится. Что цифровая копия будет «настоящей». И каждый раз они предупреждали: нет. Технология не спасёт. Потому что проблема не в технологии. Проблема в нас. В нашей жадности, в нашем страхе, в нашей неспособности принять конечность. Фантасты не были пророками в том смысле, что они точно предсказывали сроки и формы технологий. Они были пророками в другом смысле: они предсказывали наши реакции. Нашу одержимость. Нашу слепоту. Нашу готовность продать душу за лишние десять лет. Сегодня мы стоим на пороге, который они описали сто лет назад. Криокамеры уже не фантастика. Пересадка головы — не сюжет для романа ужасов. Генная инженерия — реальность. Цифровое бессмертие — прототип. И мы до сих пор не ответили на вопросы, которые они задали. Кому достанется бессмертие? Что будет с теми, кто останется смертным? Станет ли жизнь вечная жизнью — или бесконечным прозябанием? Фантасты не дали ответов. Они показали варианты. И большинство этих вариантов — пугающие. Может быть, именно поэтому мы не слушаем. Может быть, правда слишком горька. Но мы обязаны её услышать. Хотя бы для того, чтобы не повторить ошибок героев Уэллса, Беляева и Замятина. Ведь их герои — это мы. Только чуть впереди.

Часть II. Техно-либертарианский прорыв: смерть как баг

Глава 2.1. Истоки трансгуманизма: от Хаксли до крионики Джулиан Хаксли, FM-2030, Роберт Эттингер. Как родилась идеология «человек улучшенный».

Лондон, 1923 год. Кембриджский клуб еретиков Зимним вечером 1923 года тридцатиоднолетний биохимик Дж. Б. С. Холдейн (J. B. S. Haldane) читал лекцию перед Кембриджским клубом еретиков. Тема была дерзкой: наука и будущее человечества. Холдейн не боялся шокировать публику. Он говорил о «пробирочных детях» — эктогенезе, полном вынашивании человеческого эмбриона вне материнского тела. О генной инженерии, позволяющей людям управлять собственной эволюцией. О биологии как главной силе, которая изменит человека до неузнаваемости. Лекция произвела фурор. Через год Холдейн издал её под названием «Дедал, или Наука и будущее». Идеи были настолько радикальными, что многие сочли их кощунственными. Сам Холдейн предвидел это. Он начал эссе размышлением о том, уничтожит ли прогресс науки человечество или, напротив, спасёт его. Он не дал однозначного ответа. Но он заложил мину, которая взорвётся десятилетия спустя. Холдейн был убеждён: человек не венец творения, не финал эволюции. Эволюция продолжается. И теперь она переходит в руки самого человека. «Вид человеческий — не конец эволюции, а лишь её начало». Мы можем направлять собственное развитие, изменять свою природу, выходить за пределы биологических ограничений. В 1929 году другой британский учёный, Дж. Д. Бернал (J. D. Bernal), физик и марксист, издал эссе «Мир, плоть и дьявол». Бернал пошёл дальше Холдейна. Он предсказал не просто генную инженерию, а полную трансформацию человеческого тела и сознания. Люди смогут заменить органы искусственными, соединить мозг с машинами, переселиться в космические колонии, отказаться от биологической формы вообще. «Плоть» — наше тело — должно быть преодолено. «Мир» — природа — преобразован. «Дьявол» — наши архаичные инстинкты и верования — искоренён. Бернал не просто фантазировал. Он строил карты научно-технического прогресса, описывая пределы возможного. Он верил, что разум, вооружённый наукой, способен переделать не только внешний мир, но и самого себя. Именно Бернала многие исследователи считают настоящим отцом-основателем трансгуманизма, впервые сформулировавшим его ключевую интуицию: человек — это не законченный проект, а строительная площадка. Но самого слова «трансгуманизм» тогда ещё не существовало. 1957 год: Джулиан Хаксли и «Новые бутылки для нового вина» В 1957 году в Лондоне вышла книга «Новые бутылки для нового вина». Её автором был Джулиан Хаксли (Julian Huxley), один из самых влиятельных биологов XX века. Он приходился братом Олдосу Хаксли, автору «О дивного нового мира» — мрачной антиутопии о генетически сконструированном обществе. В отличие от брата, Джулиан смотрел в будущее с оптимизмом. Именно в этой книге он впервые употребил слово «трансгуманизм». Для Хаксли трансгуманизм был не технологической программой, а философской позицией. Он писал: человек — высший продукт эволюции, но не конечный. Мы находимся на пороге новой стадии. «Трансгуманизм — это осознание человечеством необходимости продолжать эволюцию, но уже направляемую, сознательную». Человек, по Хаксли, не должен оставаться человеком в том смысле, который мы вкладываем в это слово сегодня. Он должен стать чем-то большим. Трансчеловеком. А затем, возможно, и постчеловеком. Хаксли не предлагал конкретных технологий. Он не описывал нейроинтерфейсы и криокамеры. Он предлагал новое мировоззрение. В его основе лежала вера в прогресс, в науку, в способность человечества взять судьбу в свои руки. Это было просвещенческое мировоззрение, доведённое до логического предела. Если Просвещение провозгласило права человека, то трансгуманизм провозгласил право человека перестать быть человеком. Сам Джулиан Хаксли умер в 1975 году. Но слово, которое он придумал, не умерло. Оно ждало своего часа. Новая волна: FM-2030 и апсайклеры В 1970-е годы в Калифорнии появилась фигура, без которой история трансгума-

низма была бы неполной. Ферейдун Эсфандиари родился в Тегеране, учился в Бейруте и США, работал в ООН, писал романы. Но в 1973 году он опубликовал манифест «Апсайклеры: футуристический манифест» («Up-Wingers: A Futurist Manifesto»). Эсфандиари (позднее он сменил имя на FM-2030 — инициалы и целевой год, когда, по его мнению, человечество должно было преобразиться) предложил новую политическую оптику. Старые деления на правых и левых, консерваторов и либералов, по его мнению, устарели. На смену им приходит разделение на апсайклеров и даунсайклеров. Апсайклеры смотрят в будущее. Они верят в прогресс, технологии, космическую экспансию, преодоление биологических ограничений. Даунсайклеры — традиционалисты — цепляются за прошлое, за нации, за старые идентичности. FM-2030 не просто писал манифесты. Он жил в соответствии со своими идеями. Он изменил имя, чтобы избавиться от груза прошлого. Он практиковал криофизические упражнения для замедления старения. Он читал лекции в Новой школе в Нью-Йорке, где впервые ввёл курс «Концепции человека будущего». Он утверждал, что уже живёт в эпоху трансчеловека — переходной стадии между человеком и постчеловеком. В 1989 году FM-2030 опубликовал книгу «Являетесь ли вы трансчеловеком?», где задавал читателям серию вопросов: используете ли вы технологии для улучшения своего тела и ума? Планируете ли вы жить дольше ста лет? Верите ли вы, что человечество колонизирует другие планеты? Если да, то вы уже трансчеловек. Вы — мост в будущее. FM-2030 умер в 2000 году от рака поджелудочной железы. Его тело было крионировано и хранится в Институте крионики в Аризоне. Он не дожил до 2030-го. Но его идеи успели распространиться. Он придал трансгуманизму лицо — яркое, противоречивое, харизматичное. Он превратил абстрактную философию в образ жизни. Роберт Эттингер: бессмертие как инженерная задача Пока Хаксли придумывал слова, а FM-2030 переизобретал политику, один американский физик-любитель задал самый прямой вопрос: что, если смерть — это просто техническая неисправность, которую можно устранить? Роберт Эттингер (Robert Ettinger) родился в 1918 году, воевал во Второй мировой, был тяжело ранен в битве под Арденнами. Рана заставила его задуматься о хрупкости тела. После войны он преподавал физику, но его главным увлечением стала идея, которую он вынашивал годами. В 1962 году Эттингер опубликовал книгу «Перспективы бессмертия» (The Prospect of Immortality). Аргумент Эттингера был прост. Смерть — это процесс, при котором информация, записанная в структуре мозга, разрушается. Но если заморозить тело сразу после смерти, информация сохранится. В будущем, когда наука достигнет нужного уровня, тело можно будет разморозить, восстановить повреждённые ткани и клетки, вылечить болезнь, которая привела к смерти, и воскресить человека. Технология, которую предлагал Эттингер, была грубой и жестокой по современным меркам. Но принцип остаётся: смерть — это не конец, а пауза. Книга вызвала скандал. Её высмеивали, называли шарлатанством, безумием. Но были и те, кто воспринял её всерьёз. Эттингер получал письма от людей, которые хотели заморозиться. В 1976 году он основал Институт крионики в пригороде Детройта, штат Мичиган. Сегодня в его хранилищах находится более двухсот тел и головных мозгов. Самым знаменитым из них является тело самого Эттингера, замороженное после его смерти в 2011 году. Он стал 106-м криопациентом института. Его мать, умершая раньше, тоже заморожена. Эттингер не был учёным-биологом. Его подход вызывал насмешки академического сообщества. Но он сделал главное: он перевёл вопрос о бессмертии из области метафизики в область инженерии. Он сказал: не нужно ждать чуда. Нужно строить. И он начал строить. 1967 год: первый замороженный человек 12 января 1967 года профессор психологии Джеймс Бедфорд умер от рака почки в возрасте 73 лет. Он был не первым человеком, который захотел заморозиться. Но он стал первым, кто успел. Через несколько часов после смерти его тело было погружено в жидкий азот. Грубо, поспешно, с нарушениями протоколов, но — заморожено. Бедфорд был добровольцем. Он сам оплатил процедуру. Он знал, что шансы на успех минимальны. Но он предпочёл этот шанс верной смерти. Его тело до сих пор находится в криохранилище. Ждёт. Бедфорд стал символом. Символом надежды, которая кажется безум-

ной. И символом того, что граница между жизнью и смертью перестала быть абсолютной. Её можно отодвинуть. По крайней мере, можно попытаться. Идеология рождается К концу 1970-х годов у трансгуманизма появились все необходимые элементы. Идеологическая база — от Холдейна и Бернала до Хаксли. Политическая окраска — от FM-2030. Практическая программа — от Эттингера. Демонстрация возможности — от Бедфорда. Оставалось лишь одно: соединить всё это в единое движение. И в 1980-е годы это произошло. В Калифорнии появились первые трансгуманистические организации. Экстропианцы, названные так в честь принципа «экстропии» — антиэнтропии, стремления к увеличению порядка, информации и жизни, — провозглашали бесконечное самосовершенствование. Их манифесты пылали уверенностью: старость будет побеждена, смерть отменена, человек станет киборгом, а затем и чистым сознанием, свободным от биологического субстрата. В 1986 году Эрик Дрекслер опубликовал «Машины создания» — книгу, которая предсказывала нанотехнологическую революцию. Дрекслер был учеником Эрика Дрекслера? Нет, Дрекслер — инженер, который ввёл понятие «молекулярная нанотехнология». Его книга стала библией для нового поколения трансгуманистов. Если нанороботы могут чинить клетки изнутри, то старение — это просто накопление поломок, которые можно исправить. Бессмертие становится инженерной задачей. В 1990-е годы интернет превратил разрозненные группы в глобальную сеть. Появились онлайн-сообщества, конференции, журналы. Трансгуманизм обрёл голос, который было слышно по всему миру. Трансгуманизм как религия для атеистов. За внешней технологичностью трансгуманизма скрывалась глубокая психологическая потребность. Он предлагал надежду тем, кто потерял веру в традиционных богов. Если христианство обещает бессмертие души после смерти, то трансгуманизм обещает бессмертие тела — или, по крайней мере, сознания — в этой жизни. Если ислам учит полагаться на волю Аллаха, то трансгуманизм учит полагаться на волю человека, вооружённого наукой. Это был аправматический ответ на страх смерти, который мучил человечество четыре тысячи лет. Но у трансгуманизма были и свои пророки, и свои догмы, и свои ритуалы. Пророки — Холдейн, Бернал, Хаксли, FM-2030. Догма — вера в технологический прогресс как в абсолютное благо. Ритуал — криоконсервация, символическое «причастие» будущим технологиям. И, как у любой религии, у трансгуманизма были свои ереси и расколы. Экстропианцы спорили с био-консерваторами. Анархо-трансгуманисты — с демократическими. Но все они сходились в одном: человек не должен мириться со смертью. Смерть — это враг. И врага нужно победить. В 1998 году философы Ник Бостром и Дэвид Пирс основали Всемирную ассоциацию трансгуманистов (позднее — Humanity+). Бостром, шведский философ, стал самым влиятельным голосом движения. Он писал о экзистенциальных рисках — угрозах, которые могут уничтожить человечество до того, как оно успеет стать постчеловеческим. Он предупреждал об опасностях недружественного ИИ, биотерроризма, нанотехнологической катастрофы. Но он же утверждал: будущее может быть великим. Мы можем построить цивилизацию, в которой страдания будут устранены, а жизнь — продлена до невероятных пределов. Для этого нужно только одно: действовать. Наследие первых пророков. Сегодня, когда Илон Маск вживляет чипы в мозг, когда Сэм Альтман рассуждает о «бесконечной памяти», когда Питер Тиль замораживает себя в криокамере, они стоят на плечах этих четверых. Холдейн дал им язык биологии. Бернал — язык трансформации. Хаксли — само имя. FM-2030 — лицо. Эттингер — метод. Идеология, которая начиналась как маргинальная фантазия горстки британских интеллектуалов, стала реальной силой. Трансгуманизм сегодня — это не просто философия. Это индустрия. Миллиарды долларов вложены в биотехнологии, нейроинтерфейсы, крионику. Десятки компаний обещают если не бессмертие, то радикальное продление жизни. Тысячи людей зарегистрировались в криохранилищах. Миллионы обсуждают эти вопросы на форумах и конференциях. Но чем больше трансгуманизм приближается к своим целям, тем острее становятся вопросы, которые его основатели не задавали или задавали лишь краем глаза. Первый вопрос: кто получит доступ к этим технологиям? Эттингер был социалистом в душе. Он меч-

тал о крионике для всех. Он основал Институт крионики с низкими ценами, чтобы сделать заморозку доступной среднему классу. Но современные технологии бессмертия — редактирование генома, нейроинтерфейсы, продвинутая крионика — стоят миллионы. Они создают новую элиту. Элиту, которая может позволить себе то, что недоступно другим. Бессмертие становится привилегией, а не правом. Второй вопрос: что будет с обществом, когда эта привилегия закрепится? Те, кто живёт вечно, будут накапливать власть, богатство, влияние. Социальные лифты остановятся. Политические системы застынут. Молодые будут работать на тех, кто никогда не уйдёт на пенсию. Начнётся война поколений, но не между отцами и детьми, а между бессмертными и смертными. Эта война будет страшнее всех, что были раньше. Потому что на кону будет не имущество и не территории. На кону будет сама жизнь. Третий вопрос: а что, если бессмертие окажется скучным? Фантасты предупреждали. Замятин в «Мы», Хаксли в «О дивном новом мире», Лем в «Диалогах» — все они показывали, что

вечная жизнь без смерти, без риска, без конечности превращается в бесконечную пытку однообразием. Техно-миллиардеры обещают, что мы будем путешествовать по звёздам, творить бессмертные шедевры, познавать бесконечные тайны вселенной. Но давайте посмотрим правде в глаза: уже сейчас, имея всего семьдесят лет, большинство людей тратит время на бессмысленные развлечения. Удвойте, утройте этот срок — пустого времени станет пропорционально больше. Бессмертие не гарантирует величия. Оно гарантирует только одно: у вас будет очень много времени, чтобы понять, что вы не знаете, что с ним делать. Человек улучшенный Идеология «человек улучшенный» родилась из благородного порыва — победить страдание, преодолеть ограничения, открыть новые горизонты. Но, как любое великое начинание, она несёт в себе семена собственного разрушения. Холдейн предупреждал: «Изобретатель всегда Прометей». Он знал, что дар огня может согреть, но может и сжечь. Бернал верил, что наука победит «дьявола» — иррациональные силы, которые тянут человечество назад. Но что, если «дьявол» — это не просто суеверие, а неотъемлемая часть нашей природы? Что, если, убивая его, мы убиваем себя? Хаксли назвал движение. FM-2030 дал ему душу. Эттингер показал путь. Но теперь эстафета в наших руках. И вопросы, которые мы зададим себе сегодня, определят, встретит ли нас завтрашний день — или бездна. В следующей главе мы увидим, как эти идеи превратились в бизнес-империи. Как страх смерти стал товаром. И как те, кто обещает нам вечность, строят ковчеги только для себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.